

Стоит нам только в известной последовательности расположить в памяти или на бумаге обыкновенные цифры «1», «8», «1», «2», как слёзы тотчас польются из глаз. Великий год Отечества. Россия дышала пороховым дымом и ветром надежды. Сколько славы, сколько крови, разлитой на полях чести, вспомнится при этом...

Июльский раскалённый воздух был наполнен стрекотанием кузнечиков, огнями цветов и пламенным колыханием душистых трав, предвещаем совсем другого смертельного пламени. К не сожжённой пока Москве приближался военный поезд императора Александра Павловича. Народ ожидал появления любимого государя с тем нетерпеливым трепетом, с той неукротимой любовью, которые свойственны лишь истинным христианам. Толпы мужиков валили ко всем городским воротам, так как неизвестно было, откуда именно царь въедет в Москву. Узнали наконец, что Его Величество приближается по Дорогомиловской дороге.

Одиннадцатого числа народное оживление достигло вершины. Размазывая влагу умиления по разгорячённому лицу, многие и многие неслись наперегонки к заставе, желая выпрячь лошадей из государевой коляски и по православ-

ному обычаю на плечах тащить её до самого Кремля...

– Не уступлю, Гаврила! Я за переднюю ось возьмусь!

– Ан нет, Савелий! Я и сильнее, и ростом выше! Стало быть, и переднюю ось не отдам!

Двое мужиков на ходу толкали друг друга локтями, продолжая оспаривать право подставить жилистую выю под переднюю ось. Не добегаая шагов двухсот до заставы, Савелий столкнул Гаврилу в глубокую канаву, выбравшись из которой последний настиг обидчика, задержанного встречной толпой. Произошло немалое рукоприкладство, закончившееся внезапной слабостью обоих спорщиков.

– Дышлом тебя перекрести!

– Изувер ты басурманский!

Теперь ни та, ни другая выя под переднюю ось не годились...

Возвращающийся в город господин Кокошкин велел придержать лошадей. Он заметил известного журналиста Сергея Николаевича Глинку, который бежал перед толпой горожан, размахивая тростью и посверкивая золотой медалью, недавно ему пожалованной за патриотические статьи.

– Здравствуй, Сергей Николаевич! – издалека крикнул господин Кокошкин. – Куда так спешишь?!

– Веду к государю народ! – с гордостью от-
ветил Глинка и продолжил свой путь.

Народ хлынул за город...

Иные мещане, кои не были настолько сме-
лы, чтобы предстать пред ясные очи русского
царя, приняла живое участие в разгроме фран-
цузского магазина на Кузнецком Мосту, тем са-
мым проявляя умиление и показывая патриоти-
ческий восторг.

Песни и крики «ура» не смолкали до поздней
ночи. Россияне ликовали.

Государь, слава Творцу, въехал в город толь-
ко на следующий день. Лошадей выпрячь не
успели, и жизнь августейшей особы опасности
не подверглась.

2

Весть о прибытии Его Величества в перво-
престольную молниеносно облетела империю.
Дряхлеющие офицеры Екатерининского века,
вспоминая свои подвиги при Измаиле и Рымни-
ке, вновь извлекли на свет боевое оружие. Хле-
бопашцы, ремесленники, купцы превращались в
ратников. Началась народная война. Во многих
губерниях ополчения вырастали, как грибы по-
сле благодатного летнего дождя. Под звуки
флейт и барабанов, по-медвежьи размахивая
огромными мозолистыми руками, потянулось по
Руси, мирно дремавшее дотоле, тысячеглавое
чудовище – мужичье войско.

Порыв был всеобщим. Дон и Урал, Украина и
Поволжье, Буг и Лифляндия ошетинились сабля-
ми и штыками. «Германцы! – взывал к немцам,
служившим Наполеону, барон Карл Штейн. – За
что воюете вы с Россией, за что проникаете че-
рез границы её и нападаете с вооружённою ру-
кою на народы, кои в течение нескольких веков
состояли с вами в приятных сношениях, при-
нимали в недры свои тысячи соотичей ваших...»
И немцы внимали его воззванию по обе стороны
дерущихся армий. Российско-германский легион
множился новыми и новыми воинами... Башкир-
цы и калмыки с копьями наперевес с гиканьем и
свистом неслись на врага, устрашая неприятеля
шумом и дикой наружностью...

Но всё-таки армия отступала.

3

В ближайшем к губернской Твери уездном го-
роде Щуплове с самого июня только и разговоров
было, что о войне, да о сатанинском облике Напо-
леона, да о тверском ополчении. Впрочем, в Шу-

плове запись ратников производилась весьма
медленно. К великому своему огорчению, за пер-
вый месяц войны командир уездной инвалидной
роты капитан Крутов внёс в списки ратников толь-
ко двоих, да и те были пьяницы, хотя этим грехом
страдала вся мужская половина уезда. Но ещё
больше огорчался городничий, отставной артил-
лерийский полковник Иван Христианович Фротт.
Узнав, что государь в Москве, Фротт совсем при-
уныл. Он гулял по Купеческой улице, сухо отве-
чал на приветствия щупловцев и с укоризной гля-
дел в глаза мужиков. Как-то, вернувшись после
очередной прогулки, Фротт пригласил к себе ка-
питана Крутова, заперся с ним в кабинете и велел
никого не принимать. Усадив командира роты на-
против себя, городничий с акцентом, лёгким и не-
искоренимым, завёл разговор о падении нравов и
вдруг шёпотом спросил:

– Как ты тумаешь, сколько в Щуплофе осоп-
мушка пола?

– Ну, если считать моих инвалидов... – начал
было капитан.

– Нет. Инфалидоф не считать, – так же шёпо-
том прервал подсчеты капитана Иван Христиа-
нович.

Крутов сморщил и без того морщинистый
лоб и зашевелил губами, загибая пальцы левой,
а затем и правой руки.

– Я тепе и так скашу, – снова тихо прогово-
рил городничий. – Рофно одна тысяча восемьде-
сят отин опыфатель.

– Целый полк, – шёпотом откликнулся капи-
тан и улыбнулся, погладив крепкой ладонью се-
дой прокуренный ус.

– Фот! Фот! – выкрикнул Иван Христианович.
Крутов вздрогнул и, недоумевая, посмотрел на
Фротта.

Городничий закрыл глаза и откинулся в крес-
ле. Полное его лицо раскраснелось, лысина от-
ражала яркое солнце, а седые бакенбарды ше-
велились.

– Щуплофский полк, – проговорил он, улыба-
ясь и не открывая счастливых глаз.

– Но, однако же! – забеспокоился вдруг ко-
мандир инвалидов. – Так, однако же, по-моему,
никак нельзя-с!

– Это отчефо ше? – Лицо Ивана Христиано-
вича снова помрачнело, и бакенбарды перестали
шевелиться.

Капитан встал, прошёлся по кабинету, загля-
нул в углы, будто выискивая резоны для веского
ответа.

– Записывать в ополчение обывателей из купеческого, ремесленного и прочих вольных сословий возможно токмо по вольной их воле, – медленно и осторожно произнёс Крутов.

– Крутоф! Колупшик! – воскликнул городничий. – Ушли ты тумаешь, што кто-нибудь осмелится не иметь фоли пойти ф ополшение? Та я сафтра ше опрацусь к щуплофцам. Скашу: «Косудар помощи нашей просит!» Ни отна, слышишь, ни отна сфинья не пикнет. Пудет! Пудет уездный наш полк.

Но капитан неожиданно распалился, чего Фротт никак не ждал.

– А как нагрянут в уезд ремонтёры? А как спросят: «Где кузнецы? Где шорники? Где купцы?! Кто фураж заготовит?!» – беспощадно выставлял свои доводы Крутов.

Теперь забеспокоился Иван Христианович.

– Покоти! Покоти! Што ш мы так и путем ситеть слоша руки? – разочарованно прошептал он.

– Младенцев и стариков брать нельзя! – не унимался Крутов.

Фротт понял, что в своих фантазиях зашёл слишком далеко. Молчание длилось несколько минут.

– Я полагаю, што от семнадцати то тридцати лет от роту... в Щуплофе мушиков... тоше наперётся не меньше роты... – с надеждой в голосе произнёс городничий.

– Пожалуй, – согласился капитан.

По церковным книгам таковых набралось сто двадцать семь душ. И после речи, с коей Фротт обратился к горожанам, инвалиды пошли собирать ополченцев по дворам.

4

Если внимательным оком глянуть на географическую карту империи, то без труда можно заметить, что Тверь расположена между Москвой и Петербургом, но всё-таки из Твери до Москвы гораздо ближе, чем из Твери до Петербурга. У щупловского шорника Матвея Зотова географической карты не было. Но и без карты он прекрасно знал, которая из дорог короче. Поэтому появление государя в Москве было для Зотова верховным знаком. Он решился в один день. Собрался. Поцеловал жену и дочерей и отправился в белокаменную.

– В Москве ли ещё государь-то? – справлялся Матвей на каждой станции.

– В Москве, в Москве батюшка наш, – обнадеживали его ямщики. – Теперича антихристу –

смерть! Не устоять сатане супротив нашего государя.

Уже на второй день к вечеру Зотов был в Москве.

– Не выехал ли царь из белокаменной? – спросил Матвей на заставе.

– А где ж ему быть? Православный государь и должен быть в первопрестольной, – резонно отвечал старый будошник.

– Ну, слава Богу! – воскликнул Зотов, сорвал с головы шапку и осенил себя широким крестом.

Будошник одобрительно улыбнулся и сказал:

– В Кремле батюшка почивает.

Всю ночь Матвей провел у Кремля, тая слабую надежду на то, что государь выйдет прогуляться по ночной Москве, проверить, всё ли в порядке в православном государстве, не чинит ли кто обману, не замышляет ли кто чего против веры Христовой. А тут бы Зотов и рассказал царю о своей беде. Но как ни тарасил глаза, как ни вглядывался Матвей во мглу, император всё не выходил из Кремля. Один раз показалось было, что вот-де государь идёт, белой ручкой помахи-вает. Матвей уже и кинулся к нему, и крикнул даже: «Не погуби, отец родной! Дай молвить!». Но вдруг оказалось, что это вовсе не император, а ливрейный лакей, который строго пригрозил кулачищем и внушительным голосом произнёс:

– Я те покажу Отца, и Сына, и Духа Святого! Не озорничать мне!

Матвей остановился и кротко спросил:

– Ну как? Почивает царь?

– А я почем знаю? – грубо ответил ливрейный лакей и пошёл не оглядываясь.

5

В постоянных попытках соединиться наши армии, измученные арьергардными боями, отходили к Смоленску. С невероятной ловкостью Багратион ускользал из французских ловушек. Вхолостую лязгали Бонапартовы капканы. В то время как Россия множилась полками и ненавистью к врагам, вражеская армия таяла всё больше.

И всё-таки русские отступали. Курился Полоцк. Безрадостной, страшной участи ждал Смоленск. Пал Могилёв.

6

Вся площадь и ближайшие улицы были заполнены народом. Царь ещё не выезжал, но уже видна была та часть мостовой, очищенная, выметенная и освобождённая от людей всякого чи-

на и звания, по которой предстояло промчатся государевой свите. Матвей понимал, что именно сейчас всё для него может решиться. Поэтому, орудуя руками и коленями, оттесняя радостных и кричащих во всё горло патриотов, он продвинулся к краю человеческого беспокойного моря и остановился только тогда, когда путь ему преградила спина унтер-офицера, стоящего в оцеплении. Матвей остановился и напрягся. Ожидать пришлось долго. Очень долго. Уже кое-кто из орущих мещанок замолчал, уже кое-кто из умолкших москвичек лишился чувств от несусветной давки, крика и долгого стояния на одном месте. Уже и спины солдат, державших толпу, несколько подались, опустили и заметно ослабели. Уже и сама толпа напирала не столь настойчиво и непреклонно. Но вот едва заметной волной прошла весть о приближении императора. И тут только Матвей понял, что узнать государя среди расшитых золотом мундиров ему будет нелегко. Понял и испугался...

Царь ехал в открытой карете. Он близоруко и как-то по-детски трогательно улыбался в ответ на громогласное приветствие московского люда и тихо повторял: «Благодарю, благодарю». Резво бежали кони, вся императорская свита была великолепна. Внезапно произошла небольшая заминка. Карета на мгновение не то чтобы остановилась, а просто чуть замедлила ход. Государь удивлённо обвел толпу глазами.

Граф Фёдор Васильевич РаSTOPчин, чьим попечением процветала Москва, зорким татарским оком высмотрел, в чём причина вопиющей задержки, и отдал распоряжения сопровождающему его офицеру. Тот кивнул и, прищпорив коня, промчался вперёд. Всё это произошло так быстро, что в толпе почти ничего не заметили, и государь снова зашептал, тихо раскланиваясь: «Благодарю, благодарю».

Между тем граф Фёдор Васильевич РаSTOPчин, чьим попечением процветала Москва, велел арестовать конопатого мужика, который неизвестно с какой целью вырвался из стены патриотов и кинулся наперерез государевой процессии.

РаSTOPчин сопровождал Его Величество до самого выезда из города. Там хозяин России и хозяин Москвы прослезились и простились надолго.

7

Матвея куда-то тащили крепкие солдатские руки, а он всё ещё твердил, как заведённый: «Не

погуби, отец родной! Заступник, выслушай!». Со всех сторон доносились смех и улюлюканье: «Француза поймали!», «Ужо тебе, озорник!», «Шпиён! Шпиён!» Правда, вели Матвея недолго. Когда его запирали, он только и успел прокричать: «Не за себя! За дочку прошу!».

– Молчи! Опосля разберутся! – тихо, но внушительно проговорил караульный.

Щёлкнули затворы, и Зотов остался в темноте.

– Э, туа! Мюжик! Ти кто? – послышался из тёмного угла неприятный иноземный шёпот.

– Матвей Зотов. А ты кто такой?

– Маршан! Французский портной.

– Всё из-за тебя, вражина! – прошипел Матвей.

Когда глаза привыкли к полумраку, Матвей понял, что Маршан – не единственный его сосед по заточению. Кроме портного были и другие. Все имели странный иноземный вид. «Французы!» – с ненавистью и отвращением подумал Зотов. Французы, арестованные за непослушание (а были здесь повар, лакей, два учителя, торговец), всё время лопотали по-своему, и от их омерзительного говора православному человеку становилось совсем плохо. Матвей поминутно крестился, сплевывал и читал «Отче наш» и «Верую».

Время потеряло счёт.

8

И вот после долгих и искусных маневров русские армии соединились под стенами Смоленска. Казалось, что отступление окончилось. Но напрасно ожидало христоролюбивое российское воинство генерального сражения. Сожжённый Смоленск был оставлен на поругание неприятелю, а иноземец неясной нации Барклай, словно нарочно, увлекал Наполеона к сердцу империи – первопрестольной.

9

За делами, день ото дня растущими заботами, сочинением и распространением патриотических афишек, набором московского ополчения, важной перепиской и прочее, и прочее о Зотове не вспоминали целую неделю. Как-то утром его приняли за француза и пытались выпороть, но после того как Матвей был выведен на свет Божий, в нём тотчас же признали русского и выпороли уже как такового. После чего наказанию розгами был подвергнут французский

портной Маршан и ещё кое-кто из означенного басурманского племени. К этому времени Матвей ещё лютей ненавидел французов, которые мало того что лопотали всё время по-своему, но, судя по их злодейскому виду, ещё и строили дьявольские козни против России и Христа. Матвей попросил даже, чтобы ему, как истинному русскому человеку, тоже позволили принять участие в наказании врагов. Однако инвалиды, занимавшиеся поркой, только рассмеялись. «Слово и дело!» – по древнему обычаю выкрикнул Зотов и перекрестился. И хотя на сей возглас уже давно был наложен запрет, инвалидный офицер, командовавший экзекуцией, отнёсся к словам Матвея со вниманием и, ударив последнего по морде, всё же доложил по начальству...

Утром следующего дня, написав смелое донесение императору и получив доклад о происшедшем в минувшие сутки, граф Фёдор Васильевич Раstopчин, чьим попечением процветала Москва, был уведомлен также о некоем Зотове, вспомнил его и приказал привести к себе озорного мужика. Но Фёдор Васильевич так уж был устроен, что только одним делом заниматься никак не мог. И хотя упомянутый мужик весьма воспламенял его воображение, но служба, а паче патриотические чувства, кроме ожидания, требовали от него и иных поступков. Граф принялся за сочинение письма князю Багратиону, с коим состоял в переписке, секретной по причине войны.

Раstopчин был близок народу. Ежедневно разговаривая с ополченцами, составляя афишки, обращённые к простым людям, граф вспоминал о сладком времени матушки Екатерины и, конечно же, о своём кумире – Суворове, таком понятном всякому солдату. Поэтому и в переписке с Багратионом, любимцем великого Суворова, Фёдор Васильевич не стыдился своего обычного народного языка. Граф обмакнул перо и вывел на чистом листке витиеватым былинным почерком:

«6 августа 1812 года

Из матушки белокаменной Москвы».

Послание было таким:

«Ну-ка, мой отец-генерал, по образу и подобию Суворова! Поговорим с глазу на глаз, а поговорить есть о чём!»

Граф просто, по-свойски говорил в письме о несметной народной силе, которая собирается на защиту Москвы, слегка задел Барклая, но уж каков он ни есть, а где взять другого? Раstopчин помянул старину, остановился на образах По-

жарского и Трубецкого; написал, что денег и хлеба для нужд российского воинства хватит.

«В Москве говорят, – писал граф, – дай лишь волю, и Багратион пужнёт!» Перо плавало по бумаге, как могучий корабль Петра Великого по Балтийскому морю, вводя каждое слово в историю Отечества. «Неужели и после этого и со всем этим Москву осквернит француз?!» Улыбнувшись про себя и довольный своим тактом и стилем, Фёдор Васильевич продолжил: «Ваше дело Москву сберечь, а наше – держать в чистоте...»

Но тут как раз доложили, что Матвей Зотов, виновник происшествия во время выезда Его Величества, доставлен.

«Ах, дела, дела!» – граф развёл руками и хотел было повременить с проказником, но подумал вдруг, что новая встреча с представителем народного сословия подбросит мысль-другую для письма князю Петру Ивановичу.

Матвей слегка ошалел не то от воздуха, обрушившегося на него, не то от невиданной роскоши, а главное – он совсем не знал, куда и к кому его привели. Ослеплённый величием и размерами графского кабинета, Зотов не сразу заметил невысокую фигуру Фёдора Васильевича, стоящего у стола. Раstopчин же, изображая на лице подобающую случаю строгость, тем не менее с любопытством смотрел на немолодого уже мужика, который с раскрытым ртом озирался вокруг.

– Ну, Матвей Зотов, с чем пожаловал? – грозно произнёс Раstopчин. – Пошто под императорскую карету кидался?

Матвей вздрогнул и увидел графа.

– Не погуби, отец родной, выслушай! – Зотов с грохотом обрушился ниц.

Это было по-русски, и Фёдор Васильевич несколько смягчился. «Любят меня, однако», – подумал хозяин Москвы.

– Объяснись толком, россиянин!

– Не за себя прошу! За дочку, Василису, государь!

– Какой ещё государь?! – граф снова повысил голос. – Али ты не ведаешь, кто аз есмь?

– Царь еси, – тихо проговорил Зотов.

– Нет, россиянин! Я граф Раstopчин.

Матвей заплакал:

– Прости, ваше сиятельство. Я не знал.

Простодушные слёзы Матвея умилили Фёдора Васильевича. Однако служба, а паче патриотические чувства заставляли его поспешать.

– Война, брат! А ты: «Василиса». Да ещё «Слово и дело!». За это тебя в острог надо. Говори! Только без слёз!

Матвей высморкался в извлечённый из глубокого кармана платок и, перемежая речь свою вздохами, заговорил:

– Есть у меня дочка. Осьмнадцати лет. И как родилась, наречь её вознамерился я Василисой. Да в тот самый день, когда малютку в церковь для таинства крещения понесли, священник наш приходский, отец Паисий, сильно согрешивши был... Под хмельком то есть. Ну, и с пьяных глаз, значит, записал дочку мою не Василисой, а Василием. Мальчиком то есть. И в бумагах получается мальчик, а на деле – девица.

– Ну а государь-то здесь при чём? – опешил Фёдор Васильевич.

– В том-то и дело, – продолжал Зотов. – Обратился к нам, щупловским обывателям, городничий, дескать государь с басурманской силой сражается, помощи нашей просит.

– Очень хорошо! Молодец какой! И что же?

– Мы, ясное дело, отвечали: «Не извольте сомневаться». Мужиков, которым осьмнадцать годков исполнилось, а тридцать ещё не стукнуло, порешили в ополчение определить. Всех до одного.

– Отлично! – воскликнул Растопчин и, подскочив к Зотову, поднял его с колен и обнял. – Что же дальше, россиянин?

– Ну и пришёл ко мне солдат уездной команды и велел предоставить сына Василия для ополчения. А у меня-то не сын, а дочка, Василиса. И не отстают, – вздохнул Матвей.

– Это точно? – строго вопрошал Фёдор Васильевич. – Точно ли она девица?

– Дык-х... В строгости блюду, – пожал плечами Матвей, – мы этого никак не допускаем...

– Да я не про то! – поморщился Фёдор Васильевич. – Экий ты бестолковый. Точно ли она не мужчина?

– Как Бог свят, ваше сиятельство!

– Но в бумагах ведь написано: «Василий»! Не прячешь ли ты сына под юбкой?

– Ни-ни! Мы этого никак не допускаем. Как можно! – быстро-быстро заговорил Матвей.

– Ну, а поп этот... Отец Паисий, он ведь может подтвердить свою оплошность.

– Отец Паисий в запрошлом годе преставился, мир праху его. – Матвей перекрестился.

– А что ж ты раньше-то сам всего не устроил? А-а?! – крикнул Фёдор Васильевич.

– Так раньше войны не было, батюшка, – пробормотал Матвей.

– А может, у тебя всё-таки сын? Бумага ведь это, брат, бумага! Признайся! Сына, небось, жалко! – наступал Растопчин.

– Ни-ни! Грех-то какой, – бормотал Зотов.

– А девочку Василием называть – не грех?! Ты ведь тут не то что перед государем, перед Богом какой обман чинишь! – жутко погрозил пальцем тот, чьим попечением процветала Москва. – Да и верить тебе я не могу! Тем более сейчас!

– Верьте! Верьте! Ваше сиятельство! На вас одна надежда! – Матвей заплакал и снова рухнул на колени.

Между тем граф мерил кабинет шагами. «Любят меня, однако, любят!» Проходя мимо караульного, доставившего Зотова и неподвижно застывшего у дверей, Растопчин в упор взглянул на него, похлопал по плечу и сказал:

– Ладно!

И непонятно было, к кому он обращался – к солдату, к Матвею, или, может быть, просто отмечал прочность и покрой военного мундира. Вдруг Растопчин распахнул дверь и вышел. Матвей оглянулся на солдата и, теребя измызганную шапку, грустно произнёс:

– Вот ведь, служивый, как оно!

– Да-а-а! – со вздохом отвечал служивый.

Растопчин вернулся через минуту, но был он не один. С ним вошёл молодой чиновник, повадками похожий на лису.

– Как город твой называется? – бросил граф Матвею.

– Щуплов... Тверской губернии. – Зотов поднялся с колен.

– Так вот, Лисицкий, – обратился граф к чиновнику, – повезёшь этого Зотова в Щуплов, снесёшься с городничим, найдёшь там лекаря, папа, бабку повивальную, ну и сам посмотришь, что за Василий такой. И чтоб освидетельствовать по всей форме. Надо бы тверскому губернатору написать. Да ладно. Не время. А то чуть что – сразу к государю! – Граф подошёл к столу, написал несколько слов на листке отменной бумаги и заметил своё неоконченное письмо.

– Ступайте все! Дела не терпят – война! – Растопчин отдал бумагу чиновнику.

Ещё Лисицкий и Зотов, пятясь, покидали кабинет, а татарские глаза Фёдора Васильевича уже пробежали строки незавершённого послания Багратиону. Всё выходило складно. «Ваше дело – Москву сберечь! А наше – держать в чисто-

те. У меня здесь смирно, что я и сам дивлюсь. Счастье, что любят и слушаются. Пришаливают французы; сперва я просил, чтобы жили смирно, потом грозил, потом посылал за город гулять в Пермь и Оренбург. Не унимаются! Ну а потом – драть! Заговорил мой повар Турне о вольности и что затем идёт Наполеон. Люди мои тотчас донесли, на другой день Турне на конной отдули плетьюми – и в Тобольск. Опять заговорил месье Мутон, этого люди в том доме, где он жил, сперва побили, а там привели на съезжую; этого отдают кнутом. Впрочем, злоба к Бонапарту так велика, что и хитрость его не действует; и эта пружина лопнула, а он, наверное, шел на бунт...» Настроение Фёдора Васильевича улучшалось от чистоты языка и ловкости слога. Он бросил взгляд на миниатюрный портрет Суворова и закончил письмо по-суворовски просто: «Я, право, в ус не дую, мне всё кажется, что это дурной сон; а страшен сон, но милостив Бог.

За сим обнимаю
И точно пребываю,
Без слов и без лести,
А просто по чести
Вам преданный
граф Ф. Растопчин».

10

Назначение Михайлы Илларионовича Кутузова главнокомандующим произвело общий восторг и в войске, и в народе. Поистине, в этом старце было что-то национальное, что и делало его столь дорогим для русских. В Москве радость по случаю прибытия Кутузова к армии доходила до опьянения: посреди улиц люди бросались в объятия друг другу, считая себя спасёнными. И только неумолимая судьба уже отмечала невидимыми знаками христианские и басурманские души, дома, усадьбы, благоуханные сады, всё то, чему уже совсем скоро предстояло уйти навсегда. Медленно, но верно провидение подталкивало несметные людские толпы к той точке, к тому до некоторых пор неизвестному месту, к той неприметной деревеньке, которой тысячекратным эхом суждено отозваться в сердцах историков и поэтов, господ и мужиков, царей и нищих по всей России, по всей старушке Европе ныне, и присно, и во веки веков.

11

В Щуплове графский чиновник снёсся с городничим и поведал о возмутительном случае,

приключившемся в Москве, и о непременной надобности освидетельствовать Василия Зотова.

Стараясь дать всем этим обстоятельствам законный ход, Иван Христианович велел завести на Зотовых дело, что и исполнили в точности. В заголовок было вынесено следующее:

«Дело о перечислении сына шорника Зотова Василия в женский пол».

На другой день утром, как и было назначено, к дому Зотова, подле которого несли караул инвалиды, в двух экипажах подкатил назначенный городничим комитет для торжественного освидетельствования стати зотовского отпрыска. В комитет вошли коллежский секретарь Лисицкий, лекарь Карл Фёдорович Шульц, настоятель церкви Святого Владимира отец Григорий и повивальная бабка Веденеевна. Пять минут спустя третий экипаж доставил самого Ивана Христиановича и капитана Крутова. Освидетельствованию более ничто не препятствовало.

В светлой горнице дорогих гостей встретил уже изрядно согрешивший Матвей, рядом с ним смирно стояли жена и младшая дочь, пятнадцатилетняя Дарья. Василиса же пребывала на другой половине.

– Я полагаю, што косподина Шульца и пофифальной шенщины дофольно, – краснея, произнёс городничий. Всем оставалось только согласиться.

Лекарь извлёк из медицинской сумки необходимые инструменты, повивальная бабка перекрестилась, и оба исчезли за таинственной дверью. Жена Зотова грузно опустилась на лавку и зарыдала. Матвей, пошатываясь, улыбался безумной улыбкой. Московский чиновник расположился за столом, он раскрыл дело и приготовил письменные принадлежности. Капитан Крутов о чём-то тихо шептался с молодым священником. Городничий, храня молчание, строго поглядывал то на Матвея, то на его младшую дочь, отчего девушка совершенно смутилась, однако и выбежать из дома было выше её сил. Дарьюшка опустила глазки. Розовые её пальчики теребили цветной сарафан, плечики слегка дрожали, даже поправить выбившуюся из-под розовой ленты прядь непослушных русских волос она не могла. Постепенно всякие звуки, все разговоры стихли, и глаза мужчин, не исключая глаз отца Григория, обратились на Дарьюшку. Мужская часть комитета как бы желала освидетельствовать и младшую дочку Зотова.

Торжественный обряд длился не более пяти минут, но ожидавшим казалось, что отсутствуют Шульц и Веденеевна бесконечно долго. Наконец дверь отворилась. Первым вышел Шульц. За ним Веденеевна вывела хорошенькую светловолосую девушку, удивительно похожую на Дарьюшку, но ещё более печальную.

– Ну што? – спросил Иван Христианович. – Какофо фаше саклюшениэ?

– Девка как девка, – пробормотала Веденеевна.

Василиса всхлипнула. Чиновник сделал короткую запись в приготовленном деле. Теперь ждали решающего слова Карла Фёдоровича.

Шульц вытащил платок и протёр вспотевшую лысину, затем снял очки, посмотрел по сторонам, глубоко вздохнул, пожевал губами, снова надел очки. Вся его тучная фигура, заключённая в глухой чёрный сюртук, изнывала под бременем важности дела и государственной ответственности.

– Итак! – не выдержал городничий, поторопливая лекаря.

– Случай фесьма любопытный, – начал Шульц, тщательно подбирая русские слова и слегка картавя. – Несмотря на мужеско имя, оз-

наченный Фасилий Зотофф имеет очень... да... очень много признаков женского пола.

Городничий кивнул. Лисицкий склонился над бумагой и внёс заключение медика в дело. Жена Зотова и обе дочери заголосили. Но городничий посмотрел на них так строго, что плач немедленно прекратился. Он склонился над Лисицким и что-то прошептал ему на ухо. Тот побагровел, но всё-таки вписал в бумаги каждое слово городничего. После чего поднялся и, пряча глаза, медленно зачитал окончательный вердикт:

– По причине простствия десятилетней давности девицу Василису Зотову оставить в подзрении мужского пола.

Присутствующие выслушали приговор с должным почтением и вниманием.

Поэтому дело так и не закрылось. Да, впрочем, и не до него было. Война.

*Всё успокоилось – лишь ветви колебались,
В зажжённых деревьях ещё огонь пылал.
Всё тихо – лишь вдали оклики раздавались,
И редкий пушек гром в долинах рокотал*.*

* Стихотворение, написанное в 1812 году офицером В. Туманским.

